

## Глава I

Азиатский пролог приключений в Океании. —  
Парижанин Фрике и его матрос Пьер ле Галь. —  
Мысли вслух проигравшегося Превосходительства. —  
Монте-Карло Дальнего Востока. —  
Большой парад маго<sup>1</sup>. —  
То, что называют «Макао». —  
Облапошенные игроки всех цветов кожи. —  
Шестидесятилетний банкومت и его благообразный  
облик, который нисколько не нарушают слишком  
длинные ногти, помогающие шулеру  
подрезать колоду. —  
Ссора в игорном доме. —  
Торговцы людьми и продажа желтолицых. —  
То, что подразумевается под словом «Барракон». —  
Странное судно «Лао-Цзы». —  
Разношерстный экипаж и офицеры  
без предубеждений. —  
Неверная дорога. — Двое французов в яме для львов.

— Итак, происходит именно то, что и ожидалось.  
Вы отказываетесь платить?

— Нет, сеньор, я не отказываюсь. Примите мои  
извинения. Просто в данный момент... я не при  
деньгах.

---

<sup>1</sup> Род большой бесхвостой обезьяны; во Франции так называют гротескную, уродливую статуэтку. (*Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.*)



— Вы удивитесь, но я могу сказать абсолютно то же самое.

— Вы знаете, сеньор, здесь, как и в вашей славной стране, карточный долг считается долгом чести, священным долгом.

— Хм-м... священным... как и во всем мире, понятие «священный», прежде всего, зависит от того, в каком обществе ты вращаешься... а ваше общество показалось мне весьма пестрым.

— Я даю вам слово дона Бартоломео де Монте. Никто в Макао не усомнится в честном слове дона Бартоломео де Монте...

— Пф-ф!.. Слово торговца людьми...

— Ваше Превосходительство хочет сказать — слово представителя эмиграционной службы, уполномоченного Его Величеством.

— Мое Превосходительство хочет сказать именно то, что считает нужным, даже рискуя не согласиться с вами. И если мои речи вам не по нраву, то это лишь еще больше разозлит меня. Я начинаю терять терпение, вот уже битые две недели я прозябаю в вашем аду, переполненном мошенниками...

— Но, сеньор...

— Помолчите, пожалуйста. Я уже сыт по горло вашими медовыми речами и вашей лицемерной вежливостью, вашей экзотической тарабарщиной и вашими замшелыми «превосходительствами». Вы заурядный мошенник! Я только что прекрасно видел, как вы хватаете полными пригоршнями

квадруплы и дублоны<sup>1</sup> и передаете их своему общнику, который тут же устремляется к двери.

— ...Мошенник? Ваше Превосходительство сказал «мошенник»?..

— Да, мошенник. Ставки и выигрыш не слишком-то интересуют меня. Я не игрок. Но я не желаю, чтобы какой-то отвратительный шоколадный паяц, типа вас, насмехался надо мной.

— Ваша молодость и ваша неопытность заставляют меня простить вам брошенное в сердцах обвинение в мошенничестве... Но ваши последние слова относительно моей внешности требуют отмщения. Завтра, сеньор, я убью вас, убью во время честной дуэли. Завтра на рассвете вы ощутите на себе всю тяжесть гнева дона Бартоломео де Монте. И пусть кровь вашего Превосходительства падет на вашу собственную голову...

Из горла первого собеседника вырвался громкий и раскатистый смех, который прервал этот странный диалог, ведущийся, с одной стороны, на отличном французском языке, на каком говорят истинные парижане, а с другой — на удивительной смеси, хотя достаточно вразумительной — португальского, испанского и французского языков.

Когда смех утих, парижанин продолжил беседу, с трудом сдерживая рвущееся наружу веселье.

— Честное слово, он так и просится в коробку для шоколада... Следует также заметить, что если

---

<sup>1</sup> Старинные испанские золотые монеты.



я и приму всерьез его приглашение на дуэль, то явлюсь на встречу не иначе как с пятифутовой бамбуковой палкой, чтобы обратить его в бегство, его и его приспешников.

— Так и будет, — тихо пробормотал кто-то на английском, — если только он вас не зарежет сегодня вечером.

Молодой человек — а теперь мы знаем, что перед нами именно молодой человек, — слегка вздрогнул и бросил внимательный взгляд на своего застывшего противника.

— Если бы я точно это знал... я бы прямо сейчас переломал ему лапы... Но, ба! Он не осмелится, — закончил фразу юноша с истинно французской беззаботностью.

— Не забывайте, — вновь зазвучала английская речь, — мы в Макао, среди людей без чести и совести, среди торговцев человеческим мясом, для которых людская жизнь ненамного дороже жизни домашней утки.

— Месье, — в голосе молодого человека прозвучала почтительность, — позвольте мне поблагодарить вас. Что бы ни случилось, рассчитывайте на мою признательность. Я приму ваши слова к сведению.

Затем, обернувшись к своему неплатежеспособному должнику, француз вновь вернулся к насмешливому тону.

— Договорились. Мое Превосходительство окажет честь, перерезав горло, честь, конечно, не горлу,

а вам... Кажется, я запутался. Но все же следует попытаться изъясниться, как этот идальго в сафьяне.

Во время сего монолога «идальго» держался за огромный колишемард<sup>1</sup>, один из тех славных «осколков» героических времен, которые и по сей день можно встретить в наших музеях. Бартоломео де Монте церемонно поклонился и вознамерился вернуться за ломберный стол.

— Кстати, — крайне непочтительно обратился к сопернику молодой француз, — именно этим оружием вы намереваетесь обрезать нить моей жизни? Какой же он внушительный, ваш меч...

— Это благороднейшая шпага великого Камоэнса<sup>2</sup>...

— Как? Еще одна... Мне уже пытались продать полдюжины шпаг, принадлежавших Камоэнсу... Хотя в нашей стране почти у каждого есть трость господина де Вольтера.

— Ну что же, сеньор. Вам осталось найти шпиговальную иглу, которая будет вам по росту.

Несколько мгновений юный француз задумчиво наблюдал за тем, как удаляется его собеседник, прихрамывая и волоча за собой чудовищный клинок, издающий необычайный грохот.

Это был совсем молодой парень, которого можно было бы принять за ребенка, если бы не дерзкое выражение серо-стальных глаз, полыхающих на

---

<sup>1</sup> Шпага с широким клинком у эфеса, получила особое распространение в XVIII в.

<sup>2</sup> Луис де Камоэнс — португальский поэт, живший в XVI в.